

Михаил ЕФИМОВ ОТРЫВКИ ИЗ ЖИЗНИ ВНУТРИ МУЗЕЯ

12+

@ЭЛИТА

Михаил Ефимов

**Отрывки из жизни
внутри музея (сборник)**

Электронное издательство "Аэлита"

2017

УДК 82.32
ББК 84(2Рус=Рос)6

Ефимов М.

Отрывки из жизни внутри музея (сборник) / М. Ефимов —
Электронное издательство "Аэлита", 2017

Сборник из 33 рассказов о внутренней жизни сотрудников музея
государственный Эрмитаж от лица монтажника экспозиции этой организации.

УДК 82.32
ББК 84(2Рус=Рос)6

© Ефимов М., 2017
© Электронное издательство
"Аэлита", 2017

Содержание

Научники	6
Лаборанты и «игра» картинами	9
Наши катакомбы	12
Легенда Тёмного коридора	15
Вышка для простых героев	17
Большая работа в Больших просветах	20
Голландцы	23
Халтура	25
Ночные смены	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Михаил Ефимов

Отрывки из жизни внутри музея (сборник)

© ЭИ «@элита» 2017

* * *

«– Учитель, вот вы нас учите поступать именно так, а ведь сами живете по-другому!

– А я вас и не учу, чтобы вы жили, как я. Я вас учу жить так, как надо».

Овидий

Почему хозчасть назвали «обозом», я не знаю, но название получилось ёмкое и содержательное. К сожалению, я не застал того золотого времени расцвета хозяйственной части, когда там работали известнейшие в будущем люди или не совсем известные, но ставшие местными легендами. Хотя кое-что я всё-таки зацепил, и этого «кое-что» было достаточно, чтобы помнить моё мировоззрение.

Итак, помещение называлось «обозом», а люди – «обозниками». И эти «обозники» имели свои старые установившиеся традиции и даже ритуалы, а также являлись кузницей кадров для других отделов Эрмитажа. «Страна непризнанных гениев» – как-то провела параллель одна научная сотрудница. Неудивительно. Ведь только в этой «стране» можно увидеть монтажника с томиком Сартра в кармане рабочей куртки.

Научники

Лицо любого человека – это отражение его внутреннего мира и, как считают физиогномисты, показатель его жизненного пути, если, конечно, уметь это читать. Можно приблизительно увидеть даже профессию человека, его предназначение. И насколько счастлив тот, чьё предназначение совпадает с фактически выбранным местом работы, настолько же несчастлив другой, идущий не по своему пути. Я часто встречал бородатых археологов или философов с горящими глазами и крупными добродушными, но интеллигентными чертами лица; тонких аристократов-учёных, занимавших высокие посты, но простых и добрых в общении, не любящих пользоваться властью, а все силы тратящих на науку; рабочих с простыми, охочими до удовольствий лицами и усталым стальным взглядом, и я был рад за них: все были на своём месте. Так вот, по Эрмитажу бродят именно такие типажи, и в очень большом количестве. А те научные сотрудники, подходящие под первые два типа и имеющие счастье жить в гармонии с самим собой, и есть двигатели исторической науки и жизни музея.

Хотя среди научных сотрудников встречались люди разных формаций и, соответственно, разных взглядов на внутреннюю жизнь Эрмитажа. Одни вошли в эту элиту, пройдя долгий путь с самых низов, то есть будучи вначале рабочими в различных обслуживающих отделах и одновременно студентами вузов, они знали изнутри всю эрмитажную жизнь. Другие стали научниками сразу, то есть имели влиятельных родственников или знакомых в высшем эшелоне власти музея. Вот эти другие на самых первых порах своей работы в музее приносили свои понятия о месте каждого рабочего на социальной лестнице и вообще о том, как надо работать. Но такие понятия очень сильно отличались от действительных, так как Эрмитаж – необычное предприятие, и даже самый последний рабочий здесь может оказаться кандидатом наук, военным реконструктором, музыкантом, писателем или специалистом в каком-нибудь узком направлении истории. Почему Эрмитаж притягивает таких людей, понятно, хотя в этом есть и что-то мистическое, видимо, у музея такое поле, притягивающее людей творческого склада. Эти люди могли работать грузчиками, столярами, операторами, а в свободное время заниматься творчеством, причём вполне успешно, ну, или просто ждать место в каком-либо научном отделе.

Конечно, как и в каждом необычном учреждении, здесь были и те, кто совершенно не походил на добрых рафинированных интеллигентов, кои, по сути, и должны работать в Эрмитаже. В таких людях не было налёта того добродушного интеллигентного лоска, и за много лет работы они так и не становились «эрмитажниками». Для любой другой организации их стиль работы и жизни, то есть сначала начальник, а потом человек, очень даже подошёл бы. Но это Эрмитаж, и, насколько я знаю и вижу, здесь работают в первую очередь люди, кем бы они ни являлись. Вообще, чтобы принять эрмитажную формацию либо не принять и уволиться, как правило, требуется 5-10 лет. Но кто-то, проработав здесь намного дольше, так и остаётся в отдалении от всех прелестей эрмитажной семьи.

Андрей с Денисом как-то в выходной для Эрмитажа понедельник пошли вешать картины в нескольких залах. Картины небольшие, поэтому их и послали вдвоём. А хранителем этих картин как раз был назначен научный сотрудник из тех, о которых я говорил выше, то есть явно незнакомый с тем, какие люди у нас работают.

Работа кипела. Подняв одну из картин, Андрея заинтересовала её сюжет. Андрей, кроме увлечения путешествиями по древним местам монашества и написания статей об этом, закончил СПбГУ и учился в аспирантуре. Сюжет картины как раз был связан с темой его кандидатской.

– Извините, можно вас на минутку, – позвал Андрей научника. – Вы не могли бы поподробней рассказать об этом сюжете, мне очень интересно.

– Интересуйтесь своей непосредственной работой, – последовал неожиданный ответ сотрудника, смотрящего как будто сверху вниз на Андрея. – Вы кто, монтажник? Вот и вешайте картины. Какая вам разница, что там нарисовано, всё равно не поймёте.

Отвечать ни Андрей, ни Денис не стали. Аккуратно поставив картину обратно на пол, они развернулись на глазах у удивлённого научного сотрудника и ушли из зала. Может, это было и неправильно с точки зрения рабочего процесса, но среди эрмитажников отношения другие, а тут налицо оскорбление. В хозчасти Андрея с Денисом встретила Ольга Николаевна.

– Вы почему ушли с работы? – Понятно, научник уже пожаловался. Но нас голыми руками не возьмёшь.

– Да мы ему сказали, что уходим на перекур на десять минут, просто он не услышал, он вообще странный какой-то. – И это была святая ложь во имя справедливости. Конечно, после перекура пришлось идти обратно и довешивать, но какое-то удовлетворение этот жест принёс.

Но картинами эта эпопея не ограничилась. Совместная мысль оформителя и человека от науки решила усилить сюжеты живописные сюжетами скульптурными. Так как скульптуры были достаточно тяжёлыми, для снятия скульптуры с пьедестала хозчасть использовала гидравлический подъёмник. По этому поводу был объявлен всеобщий сбор людей – подъёмник-то тяжёлый, вдвоём, как каролину, не поднимешь. А после последней работы со скульптурами в Греческом зале он находился на первом этаже.

– Все на Советскую лестницу, – была громко объявлена команда.

И Андрей с Денисом, и все остальные, кого могли найти работающими поблизости, собрались внизу. Вначале была поднята платформа, то есть полностью выкачана наверх, чтобы распределить вес по всей длине подъёмника.

– Раз, два, три! – скомандовал Андреич, и всю конструкцию начали медленно заваливать на спину.

– Так, облепили все! – раздалась следующая, привычная в таких случаях команда. Человек десять встали по периметру, охнув, оторвали от земли и понесли. От тяжести у некоторых заплетались ноги, но жёсткий голос бригадира, как всегда, не давал расслабиться. Два лестничных пролёта были пройдены меньше чем за минуту. Как только идущие впереди и несущие нижнюю часть подъёмника ступили на последнюю ступеньку, колеса тут же были поставлены на лестничную площадку, а идущие сзади привели агрегат в вертикальное положение.

– Так, Денис с Андреем и ещё двое остаются на скульптуры, остальные в «обоз», – сказал бригадир и сам последовал примеру остальных.

Скульптуры следовало переместить из одного зала в другой, а на прежнее место привезти произведения искусства из кладовой, расположенной там же, на втором этаже, в Круглом зале. Дело привычное: как и картины, скульптуры перемещались из зала в зал, ездили выставляться в других музеях, а их место занимали другие произведения, привезённые из бездонных кладовых – свято место пусто не бывает.

Когда мы и подъёмник оказались в нужном месте, оказалось, что массивность данных произведений искусства не позволит забрать их целиком. Пьедесталы оказались тоже мраморными и весили килограммов сто. Вот если бы нам попались их собратья – стюковые пьедесталы, которые внешне мало чем отличались, но сделаны из стюка и, соответственно, мало весили, то проблем бы не было.

– Придётся везти отдельно, а это займёт времени в два раза больше, – молвил Денис с сожалением, больше обращаясь не к нам, а к научному сотруднику.

Тот всё понял и пошёл вызывать реставраторов.

– Сейчас придёт реставратор, ребята, не волнуйтесь, – успокаивал научник. За последние полчаса он явно поменял своё мнение о нас.

Ждать долго не пришлось, через десять минут в пустом соседнем зале гулко зазвучали торопливые шаги. Это шёл реставратор, и был он во всеоружии: нёс молоток и инструмент наподобие стамески, только очень тонкой.

– Привет, – поздоровался он со всеми и улыбнулся. – Надеюсь, не долго ждали? Так, ну что тут у нас?

Работа зашпорилась. Стамеска ставилась между постаментом и скульптурой, там, где они крепятся гипсом, молоток стучал по стамеске, которая продвигалась вглубь, и разъединяла две части композиции. Всё заняло минут пять.

– Не уходите, пожалуйста, – сказал научный сотрудник закончившему своё дело реставратору, – надо на новом месте пригипсовать всё обратно.

Теперь началась наша работа. Рога подъёмника, на которых лежала платформа, подняли с помощью педали на высоту вершины постамент. Выполняющий обязанности нажимателя на педаль остался сзади держать подъёмник, а остальные трое начали медленно передвигать тяжёлую скульптуру на край постамент, толкая поочерёдно то одну сторону, то другую. Сначала платформа находится чуть ниже уровня постамент. Но как только треть основания скульптуры оказывается на платформе, она поднимается чуть выше уровня, чтобы исключить нагрузку на край постамент, а то сломается, не дай бог. И вот, закончив эти нехитрые процедуры, скульптура оказалась полностью стоящей на подъёмнике, его опустили до уровня пола и повезли по залам. Постамент на подъёмник ставить не решились. Привезли каролину, с огромными усилиями наклонили мраморный параллелепипед и, подкатив под него рога, привели в вертикальное положение. Мерный гул от колёс сопровождал процессию. Сначала по залам ехал подъёмник, за ним – каролина. Довезя до места, были произведены операции с точностью до наоборот.

– Всё, пригипсовывайте, – сказал научник сопровождающему нас реставратору, – а мы, ребята, поедем за следующей скульптурой.

– Нет, нет, подождите, мне одному не справиться. Надо одновременно наклонять скульптуру и подкладывать под неё гипс! – взмолился реставратор.

Уже через три минуты мы шли за следующей партией «скульптура-постамент».

Лаборанты и «игра» картинами

Лаборанты были нашей творческой интеллигенцией. Выйдя из народа, то есть из «обоза», эти ребята обрели своё счастье за стенами научных отделов. Некоторых из них можно назвать аристократией – в современном понятии, конечно. Им не нужно строить из себя «высоких» людей и выдавливать высокопарность. А в чём это выразалось? Да во всём. В манерах, в строгости, в равнодушии к прикрасам в одежде и в разговорах. О разговорах надо сказать отдельно. Ум, интеллект и юмор стояли на высоком уровне. А ведь не часто бывает, что и ум и интеллект у человека развиты в одинаковой степени.

Мне часто приходилось наблюдать в Эрмитаже – храм культуры как-никак – людей, как правило научных сотрудников, с довольно высоким уровнем интеллекта. Ничего удивительного, по должности полагается иметь большой багаж знаний. Но когда разговор заходил за рамки багажа по истории, литературе, искусству, и выходил на уровень более жизненных и философских проблем, некоторые научные сотрудники тут же опускались на уровень обычного среднестатистического человека с таким же простым юмором. То есть, не в обиду будет сказано, ум, как способность к размышлению и видению, был у них не на такой высокой ступени, как интеллект.

Мои же знакомые лаборанты владели и тем и другим в совершенстве. В любом, даже мелком жизненном вопросе, они показывали себя такими же умными людьми, как и в глобальных, и в профильных сферах. Общаться с ними было приятно и поучительно, их мир был цветастый, мягкий и имел превосходный вкус. В жизни всегда надо за кем-то тянуться, чтобы не остаться на одном уровне развития до конца своих дней. Я тянулся за этими людьми, часто слушал их разговоры между собой и анализировал, иногда стараясь «примерить их маску», вникнуть в их мир. Для чего? А чтобы если в какой-то ситуации мой обычный уровень общения окажется неприемлемым, я всегда мог сыграть поведением и стилем разговора. Честно говоря, я хотел бы вообще стать таким, как некоторые из них, но мне тогда не хватало ума и в ещё большей степени интеллекта.

Хотя, что говорить, меня с такими людьми тоже много чего связывало. Например, абсолютная самодостаточность. Объясню на отвлечённом примере. Если считать, что тоталитарность любого государства действует угнетающе на большинство своих граждан, то выход один: самому являться для себя целым миром, то есть иметь этот мир в себе. Тогда наружные раздражители не смогут сильно повлиять на тебя, а ты сможешь смотреть на всё со стороны, как будто изолирован от воздействия. Причём смотреть с иронией и смехом. Как раз это с успехом и получается у таких людей, как они, и у меня вроде тоже, хотя и по другим причинам.

Разговоры о политике и истории были частой темой, но я не в состоянии привести примеры разговоров наших корифеев этих наук, так как сам в них слаб. Но работать с лаборантами всегда было весело, и чаще всего мы встречались за развеской картин на втором и третьем этажах.

Картины, висящие на третьем этаже, в большинстве своём были небольшими и, соответственно, лёгкими, в противоположность своим величественным старшим и мудрым братьям, живущим на втором этаже. Их лёгкость обеспечивалась в основном за счёт рам, выполненных не в виде массивного резного произведения искусства, а из тонкого лёгкого багета, который сам по себе не служил раритетом. Эти картины являлись яркими представителями современного искусства импрессионистов и экспрессионистов и пользовались особым успехом у западной богемной публики, да и нашей, особо просветлённой в этих вопросах.

Когда мы пришли в зал, там уже печально трудились лаборанты и прохаживался «глаз-алмаз» научный сотрудник. Картины только что прибыли из заграничного турне по известным музеям и спешили занять своё место на стенах родного дома. А пока они сиротливо стояли,

облокотившись на стены, и научный сотрудник, с помощью лаборантов и нас пытался подобрать для них идеальное место, с его точки зрения.

– Эту картину туда, те две – на левую стену. Поменяйте местами две самые правые и две самые левые... – деловито командовал научный сотрудник, он же хранитель этих картин.

«Обозники» с лаборантами не спеша мелькали перед его глазами.

– Так, стоп, – сказал он, когда вроде всё было расставлено.

Все замерли, понимая, что сейчас будет. Научник метался в творческом поиске идеальных форм, пытаюсь уловить и сопоставить только ему понятные нюансы, в каком порядке должны висеть картины.

– Что-то мне не нравится. Давайте-ка поиграем. Все картины с этой стены заменим на картины с той, только ставьте их в другом порядке, я скажу в каком.

Что такое игра с картинами, знает каждый опытный «обозник», ничего для него хорошего она не несёт. И опять все бегают, а научный сотрудник показывает, куда. Через пять минут всё останавливается, работы расставлены по-новому, все замирают в надежде. Сотрудник смотрит и произносит фразу, которую все боялись, но ожидали:

– Нет, так ещё хуже, давайте обратно.

Скрежеща зубами, начинаем ставить, как было. Обиды никакой, все понимают процесс, просто люди морально устали.

Минут через пятнадцать научник, довольный собой, произнёс: «Всё, можно вешать».

Развеска зала занимает минут двадцать, а впереди ещё четыре таких, люди торопятся. Средний уровень расположения картины на стене известен, он стандартный и рассчитан на посетителя среднего роста. А уже от него считаем для каждой картины расстояние от пола до низа рамы – если приноровиться, то несколько секунд. Одна команда вешает картины на левую стену с собранной вышки, другая, с лестницы – на правую. Тросов нам в этот раз не дали, поэтому вешаем на верёвки. Вверху, как правило, тот, кто хорошо умеет завязывать специальные скользящие узлы, чтобы в любой момент можно подрегулировать высоту картины. Молча хозяйствовать не умеет, поэтому весь процесс сопровождается язвительными шутками, спорами и громким смехом.

Близится время обеда, работа становится всё интенсивнее: надо повесить до обеда хотя бы в одном зале. И вот наконец всё повешено.

– Всё, проверяйте работу, – сказал усталый «обозник», надеясь на чудо и, как следствие, обед пораньше.

Секунд тридцать понадобилось научному сотруднику, чтобы охватить взором весь зал. Он поморщился и глаголил:

– Ребята, извините, но надо всё перевесить. Меняем эту стенку на ту. Мне кажется, что так всё-таки лучше будет, теперь это хорошо видно.

Зубовный скрежет лился из наших глаз. Тишину заполнил напряжённый звон злости.

– Зараза, – шипел «обоз», – теперь точно обеда не будет.

Уже уныло и не спеша принялись срезать верёвки и переносить картины. Азарт как рукой сняло.

– Ребята, ну ладно, давайте «повесим» одну стену и в соседнем зале повесим «Танец», и на этом до обеда всё, – сжалился научник.

Стимул был снова найден, работа закипела, стену оформили за десять минут. Потом перешли в другой зал. «Танец» был очень тяжёлой картиной, поэтому на неё требовались все. Верёвку сделали в четыре слоя, но вес картины и острые кольца, которыми оснащена рама, вызывали опасения. Всё же картина была повешена, и все рванули на обед.

Под конец обеда прибежала Валентина с горящими от ужаса глазами.

– Ребята, там «Танец» упал, такой грохот был, все сбежались.

Придя на место, мы нашли картину одним концом стоящую на полу, хотя другой ещё мужественно держался. Это перетёрлись все четыре слоя верёвки об острое кольцо. Так пробным методом было найдено, что на верёвки «Танец» вешать нельзя. Естественно, тут же нашлись толстые тросы, на которые мы и водрузили картину, после чего перешли опять к многострадальным залам, постоянно путающим образное мышление нашего ученика.

Но на этот раз в других залах обошлось без особых перевешиваний и игры «стенка на стенку». Под самый конец, по договорённости с научным сотрудником, мы оставили обречённых лаборантов довешивать самые лёгкие картины, а сами ушли. Рабочий день у нас и у лаборантов не совпадал. Мы приходили и, соответственно, уходили раньше. Научная же элита имела больше времени для сладкого сна, зато и рабочий день отбывала до конца. А довешивать картины в остальных залах нам, конечно, пришлось, но то уже был следующий день.

Наши катакомбы

Под Эрмитажем по всему периметру тянется бесконечная вереница подвалов. Каждый из подвалов представляет собой длинные коридоры, освещаемые сверху редкими лампами. Когда идёшь по нему, кажется, что вот сейчас дойдёшь до конца пятидесятиметрового коридора – и будет выход или тупик, в крайнем случае. Но не тут-то было: взгляду открывается новый коридор справа или слева, и точно такой же длины – настоящие катакомбы. В принципе, они таковыми и являлись. Ведь во время Великой Отечественной в них прятались от бомбёжек и вообще жили сотрудники Эрмитажа, некоторые с семьями. Питались столярным клеем, коего в запасниках нашлось предостаточно, ведь он состоял из картофельного крахмала. Так весь и съели за время войны. Зато выжили.

По рассказам эрмитажных старожилов, на этих стенах когда-то рисовал своих кошек Михаил Шемякин. Возможно, если соскрести покраску или побелку, взгляду откроются фрески, которые могли бы стать шедеврами.

По бокам бесконечных коридоров были двери или небольшие тупиковые углубления. За дверями располагалось по несколько комнат. И хоть на первый взгляд подвалы казались пустыми и страшными, в них тоже кто-то жил. А жили в этих комнатах реставраторы камня, мрамора и различных металлических изделий. В таких суровых подвальных условиях могут выжить только такие же суровые мужики. Именно таковыми мужики и являлись. Они редко выходили на улицу или просто наверх из своей темницы. А постоянная сырость и мрачный давящий каменный мешок вырабатывали склонность мужиков к алкоголю, что неудивительно. Иначе можно заработать депрессию и хроническую простуду. Небольшие дозы водки убивали микробы и лечили душу, делая жутко унылое помещение чуть светлей.

Мы в подвалах бывали нечасто, но это был как раз такой день. Наша задача была вытащить тяжеленные отреставрированные камни с надписями на древних языках и весившие сотню-две килограммов, поднять по нескольким ступенькам и поставить на погрузчик. Всё действие производилось с криками и руганью, в общем, как всегда, весело. Камни грузились на салазки, которые, в свою очередь, тащились волоком по каменному полу, затем по постеленным поверх лестницы мосткам и наконец по улице до погрузчика.

– Три, шестнадцать! – орал Дима, и все с криком, а может, стоном «Ха!» передвигали камень на несколько сантиметров. Настоящие «бурлаки на Волге».

Два самых больших каменюки мы уже осилили, бригадир объявил пятиминутный перекур. И только разогнув натруженные спины, услышали знакомое шарканье.

– О, Вадик идёт, – раздался чей-то смех. Вадика сложно не узнать даже издали. Такую уж оригинальную походку он получил свыше... ну, или тяжёлая жизнь в процессе преподнесла, что вероятнее. Он шёл, вынеся туловище вперёд, как бы нависая над землёй головой и телом, но нависая не грозно, а как-то обречённо, но с юмором, не жалостливо. Получалось, что голова стремилась вперёд, чуть за ней поспевало туловище, а ноги волочились сзади, издавая шаркающие звуки. Видимо, на них и висел весь груз бытия. Характер Вадика был под стать: снаружи весёлый и остроумный, внутри нервный и напряжённый, что доказывала привычка нервно грызть ногти.

– Ты чего, только пришёл на работу? – заорал Андреич. – Мы уже половину сделали... припёрся он. Иди, откуда пришёл, мы не нуждаемся в твоей помощи.

Ситуация знакомая: чтобы избежать дальнейших вспышек ярости, надо промолчать, потупить взор и затеряться где-нибудь среди ребят, дабы не раздражать взор бригадира. Это Вадик и сделал. Салазки с очередным камнем мы толкали уже вместе с ним.

После погрузчика камни должны попасть в стоящую рядом фуру, которая повезёт их в фондохранилище. Поэтому камень, после того как его вытаскивали на поверхность из подвала,

ставился на каролину. Каролина завозилась на ковш погрузчика, поднималась, а четыре человека принимали эту конструкцию в машине. Там полегче: всего-то провести камень в самый конец длинного кузова и опустить. Так как наша четвёрка хорошо справилась с такой работой, она же и поехала разгружать камни в Старую Деревню. Разгрузка в фондохранилище не требовала таких физических подвигов, как погрузка. Полы там ровные, а также имелся грузовой лифт. Такой лифт мог бы находиться и в здании Эрмитажа в каком-нибудь из внутренних дворов, во всяком случае, так во многих музеях мира, но по досадной причине у нас он отсутствовал. А причина такова: невозможно внести изменения в архитектуру старинного здания, являющегося само по себе экспонатом, даже если это действие желаемое и нужное.

К обеду мы вернулись в Эрмитаж. А ровно в час, с подачи Ольги Николаевны опять оказались в родных катакомбах. Правда, на этот раз по другому делу.

– Мальчики, все идём за бойлерную, будем расчищать подвал.

Насколько я помню, так было заведено всегда, когда не имелось срочных работ в самом музее. Бойлерная являлась диким местом, где до сих пор витал дух социализма. Нагромождение когда-то нужных вещей, а сейчас ставших раритетами, вызывало интерес и благоговение. Тут находились портреты и скульптуры дедушки Ленина, флаги, доски почёта, и старые, выдавшие виды советские вешалки. Когда сюда заходили люди, а это случалось очень редко, казалось, что со щелчком тумблера, включающего свет, и скрежетанием ключа в старом амбарном замке, висящем на покорёженной железной двери, из старого сырого помещения исчезают призраки былых лет и совсем другой жизни Эрмитажа. Причём исчезали они недовольно, и как только дверь за последним человеком закрывалась, и тушился свет, призраки тут же возвращались в принадлежащее только им логово. «Тут бегают дикие бойлеры», – шутили мы.

И вот когда вслед за нами сюда вошла и Ольга Николаевна, и от её громогласных команд в помещении сталолюдно и совсем не страшно, работа закипела.

– Ребята, вы видите эту кучу?

В самом углу подвала лежали друг на друге деревянные ящики.

– Их надо перебрать, то, что уже негодно к использованию, выкинуть, а остальное аккуратно сложить в другой угол.

Первая пара ящиков порадовала своим целым и крепким видом, но, подняв третий, нижний, на пол посыпались прозрачные пластмассовые коробочки, перемешанные с трухой.

– Господи, коробка-то совсем прогнила, у неё же практически нет дна, одна плесень, – с отвращением процедил кто-то из «обозников».

Все, как по команде, достали и надели перчатки. Я поднял одну из маленьких коробочек. Низ у неё был из чёрной пластмассы, а крышка прозрачная. Повертев и подумав, для чего это изделие предназначено, я решил, что лучше спросить, а не гадать.

– Ребята, это заказывалось для отдела нумизматики, и очень давно, – просветила нас Ольга Николаевна, – в них должны храниться монеты.

– Так они, наверное, и не помнят об этих драгоценных залежах. Может, просто выкинем всё? Чего переключивать с места на место каждый год, пока оно не превратится в труху? – предложил я.

– Нет, мальчики, мы этого сделать не можем и не имеем права. Так что работайте, а я приду через час, посмотрю.

Половина всех коробок оказалась непригодна даже к складированию, разве что в печку, а вот другая половина оказалась ещё жива, и на внешний вид протянет ещё несколько лет. Более невезучую, погибшую половину мы погрузили на носилки, когда-то используемые по назначению, а теперь стоявшие прямо там, в подвале, и стали по двое носить в мусорный бак во дворе. Путь проходил через всё длинное помещение бойлерной, а также через наши кладовые, которые выглядели почище и посовременнее. Хранились в них ковры, по которым каждый посетитель, не задумываясь, ступает ногами, новые тележки и шторы, так прелестно украшающие

окна залов Эрмитажа. В общем, кладовая была наполнена, как говорится, до краёв. Поэтому приходилось петлять, поднимать и опускать носилки с погибшими в неравной схватке с плесневым грибком коробками. А вот из их живых собратьев мы образовали новую аккуратную кучу, правда, меньше, чем первая. А чтобы она так быстро не прогнила, её ставили на деревянные поддоны, принесённые из кладовой в Пергаме. Ведь этим ящикам предстояло скучать в подвале ещё год до следующей ревизии.

Только мы закончили это дело, появилась Ольга Николаевна. Она как чувствовала, когда работа подходит к концу и заботилась, дабы не допустить нашего расхолаживания.

– Так, хорошо, я вижу вы всё сделали. Отдохните пять минут и надо ещё вынести во двор части старых вешалок. Там уже стоит машина, повезёт их в металлолом.

Выносить старые проржавевшие дуги с крючками не так неприятно, как возиться с плесенью и трухой. Через полчаса весь хлам был закидан в машину, мы широким жестом отпущены по домам, а Эрмитаж к вечеру получил несколько копеек за сдачу металлолома.

Легенда Тёмного коридора

Эрмитаж и сам по себе слы́вет местом загадочным, мистическим, полным тайн. Каждый зал – это целая история, миллионы людей, известных и неизвестных, проходящих мимо и любовавшихся царскими богатствами, оставили там свою частичку, которую можно почувствовать, а кому-то повезёт и увидеть. Но есть залы особо пропитанные мистической силой. Например, зал Египта вызывает страх у зрительниц и охранников, обходящих ночью покои, приёмные и выставочные залы, некогда принадлежавшие русским царям. Бабушкам-зрительницам становится плохо, особенно если они сидят напротив каменной статуи богини Па Де Ист. Эта богиня пару десятков столетий находилась в чужеродной нам по духу и ментальности стране. Там она пропитывалась энергетикой миллионов молящихся ей людей. И когда её привезли сюда, нет ничего удивительного, что эта энергетика, противоположная нам, как два полюса магнита, теперь лучится из статуи на людей, долго находящихся с ней рядом. Такое воздействие легко может вызвать болезнь. Неудивительно, что и охранники, совершающие обходы каждую ночь, испытывают жуткое чувство, в особенности проходя через этот зал. Благо что ходят они не по одиночке, иначе нервные срывы были бы обеспечены. Есть и ещё залы, про которые могут рассказать и охранники, и люди, давно работающие в Эрмитаже. Одним из таких мест является коридор, названный не без основания «Темным».

Когда об электричестве ещё и не слышали, этот коридор был освещён одним окном, находящимся в конце одной из его сторон, а также тремя небольшими прямоугольными проемами, закрытыми переплётками с мелкой расстекловкой и довольно скупо освещающими коридор. Другая же сторона упиралась в зал Ротонду, где окон не было и в помине. Да и то единственное окно выходило в маленький двор-колодец и света много не давало. А коридор был длинным, люстр и бра, оснащённых масляными лампами, явно не хватало. Да что «то» время, даже современные электрические лампы там дают рассеянный и несильный свет. Хотя для экспонатов, висящих на стене, а именно шпалер, и, конечно, людей, ими любующихся, это может и хорошо в плане умиротворяющей и настраивающей на нужный лад обстановки. Охрану же, проходящую по коридору ночью, он настраивает на совсем другую волну, заставляющую пройти это жуткое место побыстрее. Мы частенько перевешивали там шпалеры – одни уезжали на выставки за границу, другие шли на реставрацию. Вот и сегодня, собрав две вышки, мы снимали половину шпалер коридора. Расстановка сил была стандартной – двое внизу и двое на втором ярусе вышки. Все шпалеры продублированы на материал, то есть само произведение искусства аккуратно пришито изнаночной стороной к плотному материалу, на большинстве которых имелся карман. Нижние продевали в карман шпалеры деревянную палку на всю длину, а если кармана не было, то подложку прибавляли маленькими гвоздями, вбивая их наполовину, чтобы легко потом вытаскивать для очередного путешествия шпалеры за бугор. После привязывали по бокам палки шнур и подавали концы верёвки наверх. А верхние уже осуществляли само таинство вешания.

По всей длине коридора под потолком торчали намертво вбитые в стену крюки. На них лежали круглые штанги, называемые погонями. За эти погоны и привязывался шнур. Сначала подавался и привязывался один конец шпалеры, так как длина вышки не позволяла дотянуться одновременно до обоих концов. Причём низ шпалеры не на полу валялся, а покоился в заботливых руках наших ребят, стоящих внизу, он не должен был испачкаться, только что выйдя из реставрации. Затем нижние бойцы перевозили верхних к противоположному концу, и шпалера привязывалась там. После начиналась кропотливая работа закрепления шпалеры по всей длине, для чего через каждые тридцать-сорок сантиметров имелись прорези в кармане.

Одним из работающих вверху был я, а внизу находился Сергей Сергеевич – настоящий ветеран «обозного» движения. Его отец был известным академиком. А Сергей Сергеевич хоть

и не достиг высот научной деятельности, предпочтя волнениям и творческим метаниям спокойствие жизни обычного рабочего, но гены интеллигента в нескольких коленах накладывали на него отпечаток ума, рассудительности и довольно большого багажа знаний, почерпнутого из множества прочитанных книг. Разговаривать с ним было одно удовольствие, тем более что за долгие годы работы в хозяйственной части он собрал в себе всю «обозную» мудрость и видел такие вещи и таких людей, о которых нам было очень интересно узнать. Вот и сейчас Сергей Сергеевич, доделав свою работу, выпрямился, мечтательно задумался и изрёк:

– Эх, ребятки, а со мной тут кое-что необычное произошло, хотите расскажу? – с ласкового «ребятки» он обычно и начинал общение.

– Конечно, расскажите, Сергей Сергеевич, – предвкушали мы интересный рассказ.

– Случилось это ещё при социализме, лет тридцать назад. Тогда таких жёстких требований охраны и повсеместной сигнализации не было. Да и научные сотрудники не тряслись излишне над экспонатами, сдувая с них каждую пылинку и боясь притронуться. Может, сейчас и лучше с точки зрения хранения, но вот с человеческой точки было душевнее. Задержались мы как-то в Русском отделе, вон в том кабинете, который выходит на Салтыковскую лестницу, в свою очередь, смотрящую в Тёмный коридор. Сидели, беседовали со знакомыми и даже примерили костюмы царских времён из не особо ценных. Было часов десять вечера, когда я, устав от бесед, вышел размять ноги в коридор. Там стоял полумрак, но несильный, в принципе, всё видно. Как только я вышел, увидел фигуру человека, точнее, тёмный силуэт, удаляющийся к выходу из коридора. Сначала я опешил, ведь в такое время никого, кроме нас, быть не должно, мы были единственными полуночниками в тот день, да и мест, откуда мог выйти человек, рядом больше не было. Конечно, я крикнул: «Эй, вы кто, постойте!» Но силуэт никак не отреагировал. Тогда я быстрым шагом пошёл за ним. Мысль в то время была только одна: либо это заблудившийся посетитель, либо вор, спрятавшийся где-то до поры до времени и теперь разгуливающий по музею. К сожалению, расстояние между мной и темной фигурой было приличным, а ему до поворота оставалось совсем немного. Вот он повернул в сторону залов искусства Англии и скрылся с глаз. Через несколько секунд я был на повороте, но там никого не оказалось, как след простыл. Человек не мог так быстро исчезнуть без следа, ведь двери в залы закрыты, путь только один, но на этом пути никого нет. И только после этого появилась другая мысль, что и не человек это вовсе. Стало жутковато, и я вернулся обратно со своим рассказом. Научные сотрудники только посмеялись – а что ты хотел, Тёмный коридор, как никак.

– Да, Сергей Сергеевич, нагнали вы на нас страху, – засмеялись мы. – А может, у вас галлюцинации были?

– Ну, ребятки, я что, похож на дурачка? – обиделся Сергей Сергеевич. – Если мы и выпили, то немного, просто для настроения и поддержания беседы, а галлюцинации только у запойных алкоголиков бывают.

– А я верю, вот бы самому такое увидеть, – размечтался я.

– Так, всё, кончайте перекур, – подошла хранитель шпалер. – Нам ещё пять штук осталось повесить, мы же не можем их до завтра здесь оставить, так что пока не повесим, не уйдём.

Обречённо вздохнув, мы принялись за работу.

Вышка для простых героев

Наверное, посетители никогда не задумываются, как вешают в Эрмитаже картины под десятиметровый потолок, как реставрируются роспись, барельефы на той же высоте. А ведь перевески и реставрация происходят довольно часто, и задумываться об этом приходится нам. Но прежде чем начать этот важный специализированный процесс, надо сделать работу не такую уж профессиональную, не такую сложную, но зато очень опасную и, соответственно, страшную. А именно – собрать вышку, с которой эта работа будет производиться. Каждый ярус вышки всего два метра высотой – немного. Но если представить вышку, например, пятиярусную, то это уже приличная высота.

Но и это ничего, если смотреть, как это делают, со стороны. То ли дело собирать самому. Каждый ярус состоит из двух боковин с перекладинами, двух косых штанг, одной прямой и полка сверху. Косые кладутся крест-накрест для придания конструкции жёсткости. Завершение этапа построения яруса – установка полка сверху. Но и это не так страшно. А вот дальше ты должен вылезти через люк в полке наверх и ждать, пока тебе подадут боковины. На каждом ярусе находится человек, который и занимается этим нехитрым делом – передаёт верхнему детали конструкции, это самая лёгкая должность в созидательном процессе. В эти сладкие минуты, пока ты ещё не установил боковины, ты находишься на полке шириной полметра и длиной два. Вокруг тебя нет ничего, за что можно взяться рукой. Если это не первые ярусы, то вся вышка ходит под тобой, шатается, правда, в пределах допустимого, хотя тебя это совсем не успокаивает. Точнее, ты пытаешься себя успокоить, но безрезультатно.

Первые два яруса собираются без признаков страха. И вот, начиная с третьего, у тебя появляется неприятное чувство, которое растёт вместе с высотой вышки. Не каждый сотрудник хозяйства рвался испытать это чувство на себе, на это добровольно отваживалось только несколько человек, каждый по своим причинам, остальные выше второго яруса несобранной вышки бывать не любили. Но этого часто и не требовалось. Обычно в залах для повески картин хватало трёх-четырёх ярусов. Но работы в музее не ограничивались только картинами. Иногда приходилось мыть или менять окна, находящиеся под потолком, например в высоком Николаевском зале, или мыть скульптурные композиции Иорданской лестницы. В этих случаях тремя-четырьмя ярусами не отделаешься, мы собирали по пять и даже по шесть ярусов. Чтобы вышка не качалась, она по возможности привязывалась верёвками ярусе на пятом, если было за что. Если не было, приходилось ограничиваться откосами, крепившимися внизу.

Но как-то мне пришлось собирать вышку высотой восемь ярусов, то есть шестнадцать метров. В Соборе стекольщикам надо было заменить маленькие круглые окна, находящиеся аж под куполом. Быть в самом верху сразу вызвался Вадим. Он вообще любил всякие авантюры, да пощекотать себе нервы, ещё при этом был и очень энергичным человеком. Он нам рассказывал, что как-то в юные годы на спор в компании проехал одну остановку метро между вагонами поезда. Сейчас, конечно, его на такое «слабо» уже не взять, но такой шанс полихачить он пропустить не мог. Для удобства вместе с ним наверху сначала был и я. Яруса с четвёртого вышка начала шататься от стены и обратно, с каждым метром высоты всё больше и больше. Когда вокруг тебя стоят ограждения, это не очень страшно, но когда их ещё нет и ты передвигаешься по полку чуть ли не на четвереньках, потя от страха, начинаешь вспоминать, что ты не альпинист.

После шестого яруса Вадим храбро сказал, что хочет остаться один, тем более что центр тяжести вышки из-за количества людей на верхних ярусах и так смещён слишком высоко, а должен быть как можно ниже, для устойчивости. И вот мы, последний раз вместе, установили над собой полк седьмого яруса, и Вадик, открыв в нём люк, вылез наверх, один как перст. После этого, к моему ужасу, я заметил, что вышка начала совершать движения не только от

стены к стене, но плюс к этому ещё и скручиваться по оси. Вадим, видимо, это тоже заметил, потому что сверху раздался его зычный разухабистый голос. Вадик запел. Внизу стояли «обозники», научная сотрудница, пришли даже две девушки-лаборантки послушать концерт и посмотреть цирковое представление «обозных» гимнастов под куполом.

Собрав восьмой ярус, нам удалось привязать вышку к какой-то детали барельефа почти под крышей Собора. Но лично нам это как мёртвому припарка, зато потом стекольщики могли работать спокойно и не трясушимися руками.

Когда мы слезли, я спросил у Вадика:

– Слушай, как это ты так хорошо держался, спокойно ходил по не ограждённому полику, ещё и песни орал, неужели не страшно? Перед девушками, наверное, рисовался?

– Конечно, страшно, – тихо ответил Вадим. – Ты думаешь, зачем я песню-то орал? Она и помогает от страха. А то, что ноги трясутся и по спине текут струйки холодного пота, так этого никто не замечает. Ну и, конечно, не без девочек обошлось! – уже во весь голос прогремел он так, что эти девочки наверняка услышали.

После обеда мы пришли разбирать наше сооружение. Стекольщики свою работу закончили, уступив нам место под куполом. Но вот Вадима с нами не оказалось, его направили на другую работу, поэтому на вышку полез я. Забравшись на самый верх, я посмотрел вниз – казалось, что люди размером с игрушечных солдатиков, что-то там суетились, посматривали вверх. Пока удавалось держать страх в кулаке. Первым делом пришлось развязать верёвки крепления вышки к стене, и она сразу начала качаться. Казалось, что амплитуда всё увеличивается, появилась уверенность, что вышка сейчас раскачается ещё больше и рухнет. Глаза сами стали искать, за что в таком случае зацепиться и висеть, пока не снимут. А мозг тут же успокаивал: такого произойти не может, не первый раз собираем, я хожу осторожно, не раскачиваю, что может случиться. Но уверенность не слушала доводы мозга. И на пике этой борьбы я начал разбирать вышку. Косые и прямые штанги я снял, ещё ходя по полику в полный рост. Но когда надо было снимать боковины, к которым штанги и крепились, мои ноги, не слушая приказы мозга, сами начали сгибаться, кулак разжался и страх вылетел на волю. От одной боковины к другой я шёл или, скорее, передвигался гусиным шагом, почти на четвереньках. Было очень стыдно, несколько раз я пытался заставить себя выпрямиться. Но усилия воли хватало только наполовину, после этого ноги опять сгибались, по спине текли ручейки холодного пота, а проклятая уверенность нашёптывала, что вышка сейчас будет падать.

– Эй, Мишка, чего, страшно? – смеялись внизу. – Ты чего ползаешь по полику?

– А ты сам залезь, снизу, конечно, выглядит не страшно! – проорал я со злостью.

Честно говоря, злость была не на ребят, а на себя за трусость. «Встать, сволочь!» – крикнул я мысленно. Сжав зубы, я выпрямился полностью на пару секунд.

– Хо-па! – Ударил каблуками рабочих ботинок по полику.

Ну, вроде сам себе показал, что могу. Снизу засмеялись. Но через три секунды ноги опять возвратились в исходное положение древнего примата.

Вот наконец все ограждения сняты, я один стою на маленьком полике, держаться не за что, вышка раскачивается и скручивается подо мной винтом. Переваливаясь, как гусь, я подполз к люку и с облегчением нырнул вниз. После восьмого яруса всё, что ниже, кажется уже не таким страшным. Седьмой и шестой ярусы я ещё прошёл на полусогнутых, каждый раз выпрямляясь всё больше, как будто постепенно эволюционировал в человека прямоходящего. А вот пятый мне показался совсем не высоким, почти как на земле, хотя вначале, когда мы его собирали, было страшно уже на нём – вот и теория относительности.

Последние два-три яруса я уже прыгал, как горный козел, по полику и с гомерическим смехом раскачивал остатки вышки, от ужаса не осталось и следа.

Спрыгнув на пол и ощутив под собой твёрдую землю, я получил ещё ряд необычных ощущений, сродни космонавту, после полёта ступившему на землю. Меня немного покачивало, и

была какая-то эйфория, да и смотреть на предметы не сверху было необычно. Всё прошло по дороге в «обоз». А там нас с Вадиком, как двух героев, отпустили с миром домой.

Большая работа в Больших просветах

Наверняка мало кто из посетителей смотрит, как и на чём висят картины, да и вообще как они туда попадают. Ну, висят, и всё. Многие, редко посещающие музей или просто не очень внимательные, считают, что картины висят там всегда, что на них вековая, ещё царская пыль, и отпечатки пальцев великих людей позапрошлого века. Но как бы не так. Во-первых, при царе картины висели совсем по-другому, была так называемая ковровая развеска. То есть от самого потолка и почти до пола, «камень не кинешь». Царь старался показать всё, что у него есть. Да и вообще весь блеск и богатство Эрмитажа были рассчитаны на то, чтобы произвести впечатление и даже подавить воображение и волю смотрящего. Ведь какое впечатление сложится у иноземца от дворца, такое будет впечатление и о стране. Сейчас картины висят пореже. Хотя в некоторых местах довольно плотно, но всё равно уже не то. Теперь главное не количество, а правильная расстановка картин по школам, временам, авторам. Ну и, конечно, чтобы все картины были хорошо видны обычному человеку, ведь великанов у нас нет, и маленькие картины, висающие под потолком, будут висеть там без толку, поэтому пусть лучше скучают в кладовых, что они и делают. Но вы не извольте беспокоиться, на унылую жизнь в кладовых обречены не самые лучшие экземпляры. Самые лучшие висят в залах и одновременно являются обменным фондом Эрмитажа, то есть периодически ездят за границу вместе со своими хранителями. А на их место временно претендуют бедные, пылящиеся в кладовых в ожидании своего звёздного часа картины. Так что жизнь у висящих в зале шедевров весьма кипучая, подолгу на одном месте они не застаиваются, и в этом мы им и помогаем.

Сегодня в зале Больших Просветов, названного так из-за прозрачного для дневного света потолка, намечалась грандиозная смена одних картин на другие. Часть картин уезжала за бугор, часть шла на реставрацию. С утра была собрана вышка высотой в три яруса плюс ещё пол-яруса, то есть боковины со штангами косыми, и прямой, но без полика наверху. Четвёртый ярус был бы лишним, так как ограждения там уже не поставить, а на полке без ограждений стоять страшно, да и нельзя по технике безопасности. Но в то же время трёх ярусов мало, не хватало какого-то метра, чтобы достать до погон, на которых и висят красного цвета полосы.

Бригадир достал из недр своей кладовой полиспасты, представляющие собой крюк с блоком для поднятия тяжестей, и работа закипела. Четыре картины на одной стене должны были висеть друг над другом, две внизу, две наверху. Сначала, конечно, вешались верхние картины с третьего яруса вышки, для верхних картин достаточно и первого яруса. Меня, как всегда, отправили наверх, где самый сложный участок. Со мной наверх послали нашего художника Мишку, как человека очень старательного и любящего везде аккуратность. «Обоз» вообще не отставал от научных отделов своими кадрами и тоже мог похвастаться художниками, писателями и музыкантами.

Мишка был художником талантливым. В его картинах была видна такая кропотливая работа, что я удивлялся, как человек, ведущий разгульный образ жизни и производящий впечатление довольно ленивого и не амбициозного, мог создавать такие глубокие и сложные произведения. Большинство его вещей напоминали фантазмы, гротески, родившиеся в воображении человека, неординарно выглядящее окружающее, в то время как по общению с ним я бы этого не сказал. И это было достойно большого уважения. Фантазмы имели глубокий смысл и облекались в форму в довольно сложной технике письма. Наряду с обычными манерами, он писал и точками, делал коллажи, но я в этом не специалист, поэтому рассказать профессионально не смогу, да и восхищала меня по большей мере сама суть нарисованного. Его отец тоже был художником, и довольно признанным, но Мишкины вещи мне нравились больше, по степени глубины и сумасшествия. Они как будто входили в резонанс моим чувствам и восприимчивой психике.

Забравшись наверх с полиспастами, мы прикрепили их крюками к погону, я справа, Мишка слева, и опустили вторые крюки вниз. Там их зацепили за кольца и начали подъем. Как бурлаки на Волге, два человека тянули за верёвки, одна часть блока понемногу притягивалась к другой, и картина медленно поднималась. Бригадир внизу корректировал, чтобы подъем был одновременный и никто никого не обогнал. И вот верх картины с кольцами перед нами.

– Стоп! – кричу я, картина замирает. Дальше самое сложное. Чтобы достать до колец, надо встать на боковину и, держась за неё одной рукой, другой поднять и подвести крюк полосы под кольцо. Если не получается одной рукой, приходится не держаться вовсе, а довольствоваться тем, что одна нога стоит на боковине, а другая на прямой штанге. Ну и, конечно, держишься за саму полосу. Это неприятно, равновесия взад-вперёд никакого, по спине тычет холодный пот, и сердце стучит. Но если так подумать, внизу под ногами полук, да и ухватиться за боковину всегда можно, правда, отпустив при этом картину, что совершенно немыслимо для процесса и недостойно героя «обоза».

– Мишка, ты чего там пыhtiшь, неужели страшно? – услышал я смешки «обозников». Видимо, лицо моё выражало такое усердие и наверняка было бледным от напряжения. Но я всё-таки подвёл крюк под кольцо. У художника тоже всё было в порядке.

– Отпускай!

Внизу ослабили натяжение верёвки, и картина повисла только на полосах. После этого наступали работа научного сотрудника и проверка точности его глазомера.

– Правый угол опустить на сантиметр ниже, – уверенно скомандовал научник. Ну вот, опять по-новой. Я зацепляю крюк полиспаста за кольцо.

– Поднимай!

Картина опять снята и висит на полиспасте. Теперь мне понадобятся обе руки, одной я должен держать полосу, другой открутить разводным ключом прижимной болт и опустить крюк. Всё это на глаз, только от точности моего глазомера зависит, повторю ли я эту операцию ещё или получится с первого раза. Тело в напряжении от усилий сохранить равновесие, но иногда чуть-чуть покачивается. Но вот крюк опущен, болт опять завернут, я плавно подвожу крюк под кольцо картины.

– Опускай!

И снова научный сотрудник смотрит опытным взглядом. Ему помогает наш не менее опытный в развеске картин бригадир.

– По-моему, теперь правый угол слишком низко, вы как думаете? – как нам сверху казалось, шепчутся они.

– Да, надо или правый поднять на полсантиметра или левый опустить, – отвечает второй.

– Давай, Мишка, ты выше, да и привык уже, подними правый угол только на полсантиметра и смотри не промахнись! – кричит снизу бригадир.

И всё начинается сначала. Так может повторяться несколько раз, а можно попасть и с первого. Крюки ходят по полосе тяжело – мешает несколько слоёв краски, спина побаливает от напряжения одновременно держать равновесие и поддерживать картину. Но на этот раз нам повезло, со второго раза попадаем в цель. Теперь наступает работа ребят на втором ярусе, они должны так же повесить нижнюю картину на другие полосы, висящие рядом, а мы пока отдыхаем. Итак, двадцать минут – и два огромных шедевра готовы предстать перед посетителями во всей своей красе.

Но впереди ещё два, и это только на одной стене, причём не самой большой. Самая большая стена в зале может принять на себя картин пять в нижнем ряду и столько же в верхнем. Три человека под руководством лаборанта отдела Запада подвозят нескончаемые картины в зал и увозят снятые. Благо фонд «А», откуда их привозят и где они хранятся на огромных, до потолка, выдвигаемых стеллажах, находится тут же, над соседним залом. Только привозят их из фонда, а увозят уже к лестнице, где потом надо напрячься и спустить шедевры на первый этаж,

прямо к упаковщикам «Хепри» – именно так именуется организация, занимающаяся упаковкой и транспортировкой выставок. «Обоз» ропщет.

– Мы что, всё должны повесить сейчас, а потом ещё и спускать картины на первый этаж? А как же обед?

– Да не беспокойтесь вы, сегодня сделаем только половину зала – две стены, остальное завтра. Но спустить картины к упаковщикам надо сразу после развески, не оставлять же их на лестнице, – успокаивает нас научный сотрудник.

– Всё равно это долго, останемся без обеда! Ну давайте поставим их в какой-нибудь зал и закроем его, ведь иногда же так делаем, – надеемся мы на полноценный обеденный перерыв.

– Нет, ребята! Вещи должны через три дня уехать, а их ещё надо упаковать! – твёрдость в голосе ученого говорит о неотвратимости решения. – Я скажу Ольге Николаевне, что вы закончили позже, и она вам даст час на обед.

«Если, конечно, даст», подумали все, но делать нечего, придётся идти опускать картины.

Где-то в двенадцать ещё одна стенка «повешена».

– Так, вы двое разбирайте вышку, двоих хватит, а остальные марш на Салтыковскую лестницу спускать картины, – не давая передохнуть, командовал Андреич, он тоже явно хотел кушать. – А вы двое как закончите, не на обед, а приходите помогать нам.

«Обоз» уныло поплёлся из зала, сзади шёл бригадир, как погонщик, следя, чтобы ни одна из овец не убежала.

Вся Салтыковская лестница уставлена картинами. Пожалели только научных сотрудников Русского отдела, чья дверь смотрела на лестницу – оставили им для выхода просвет. Лаборант и немногочисленный состав наших ребят в количестве трёх человек сидели на подоконнике и о чём-то увлечённо болтали, они явно не перетрудились.

– О, а вы чего сидите, картины не спускаете? Хотя бы начали! – сказал кто-то со злостью усталого человека.

– Мы спустили самые лёгкие, теперь вас ждём.

Дело в том, что сами картины, то есть холст, натянутый на подрамник и там расклиненный, весит очень мало. А вот рама – дело другое. Если рама современная и сделана из багета, то она тоже много веса не прибавляет. Но если рама старинная, вырезанная из толстого слоя дерева, ещё и с лепниной, то это отдельное произведение искусства, и весит она очень много. Так вот, расслабляющиеся на подоконнике парни спустили только картины небольшие и с лёгким багетом, а таковых немного. Основную же часть они предоставили опускать нам.

– Так, ну-ка быстро, не расслабляться, глаза бояться, а руки делают, – подбадривал Андреич крылатой фразой из своей коллекции. И действительно, по четыре человека на картину – и через полчаса всё спущено.

Голландцы

День начался как обычно – тяжёлый подъем утром, недовольство своей долей в жизни и местом на социальной лестнице, в общем, как у всех. Но «обоз» немного порадовал необычностью. Там находились какие-то люди явно не нашей, не российской внешности, среди них две симпатичные девушки, что приятнее вдвойне. Они ворочали аппаратуру, очевидно, для съёмок, что-то болтали на своём, с любопытством следили за нашими парнями.

Первая мысль о том, как я буду переодеваться. Они наблюдали за всем с такой жадностью, что, голову на отсечение, точно не отвернуться. Пришлось уходить за шкафы на другую сторону. Потом пошло как обычно – вошла Ольга Николаевна.

– Мальчики, к нам приехали голландцы, будут снимать, как мы работаем. Прошу любить и жаловать. Они будут вместе с нами ходить, а вы не обращайте внимания, работайте, как будто их нет.

Ну, тут как всегда посыпались шутки: «Так приглашайте девушек к нам, чего они там мнутя», «А обедать тоже вместе будем?», «Как мы переодеваемся, они будут снимать? Процесс-то немаловажный для истории».

Ольга Николаевна ответила со своей обычной непосредственностью и холодным спокойствием:

– Эти вопросы задайте им сами, тут есть переводчик.

Пыл был охлаждён, и все пошли на работу.

Вечно хмурый бригадир привёл нас в Галерею 1812 года. Мы должны были снимать все картины на реставрацию, да и сама галерея давно мечтала уйти туда же. Решено было делать на двух «вышках». Я полез собирать первую. Тут же подбежала голландка с камерой: «Можно я вас снимаю?»

– Нет, извините, я такого желания не имею. Но могу посоветовать вам человека, который с удовольствием снимется, ещё и интервью даст, он это любит.

Голландка удивилась такому повороту. Я её понимаю, мало кто отказывается показать своё лицо в кино, ведь это известность. Но мне такой известности не надо, да и не считаю я это за известность. Конечно, хочется её, сладкой, но не таким путём. Вот бы что-нибудь написать, сделать, изобрести... А показать свою физиономию людям, покрутиться, покрасоваться перед камерой и сказать несколько продуманных слов, эта известность недостойна моего уважения и удовлетворения мне лично не принесёт. Узнаваемости типа «О, а я его в телевизоре видел, он там шёл, ехал, лез, говорил что-то...» мне не надо. То ли дело «Смотрите, человек, который серьёзную вещь изобрёл, что-то сделал, написал, сочинил, придумал...», вот это да, известность, есть чем гордиться.

Пока я это прокручивал в голове, голландка подошла к Вадиму, и я увидел, что он с удовольствием ей позирует и что-то говорит. Вообще, я удачно её к нему отправил. Ведь он и будет являться главным действующим лицом в этом фильме, как человек неординарный, интеллектуальный, который за словом в карман не полезет. Больше голландки от Вадика не отходили, ну, конечно, сложно не влюбиться в такого яркого человека.

Потом мы возили снятые картины в фонд хранения. Голландцы бежали впереди и умоляли нас не торопиться и даже несколько раз возвращаться и ездить «на бис», что вызывало взрывы недовольства. У них своя работа, у нас своя. Впрочем, кто-то из нас, вроде бы Максим, потом согласился во время обеда инсценировать перевозку картин по залам. Максим уныло и медленно тянул панелевоз с загруженными картинами, а голландцы ехали перед ним на своей маленькой тележке с камерой, то есть одна голландка везла другую. Вроде они даже заплатили артисту, но это осталось под покровом тайны.

Во время обеда, все, как обычно, спокойно расположились за столами, достали свои нехитрые обеды, как-то не спеша завязался разговор. В общем, как всегда. Но вдруг тяжёлая занавеска, так хорошо закрывающая всех нас от посторонних глаз, резко отлетела в сторону, к нам уверенно вошли две голландки и начали устанавливать камеру. Повозившись пару десятков секунд, они развернулись и ушли, оставив после себя своё незримое присутствие в виде глаза видеокамеры. Я удивился такой наглости: даже не спросив разрешения... или, может, они у начальства спросили, а нас спрашивать не посчитали нужным?

Разговоры в «обозе» как-то сразу стихли, все молчаливо сидели и жевали свои бутерброды. Нет, такой обед нам решительно не нравился, ну что за «обозные» посиделки без криков, шуток, подкальваний, даже кусок в горло перестал лезть. Через минуту я встал, подошёл к выходу и задёрнул занавеску. Больше нас в обед не трогали.

После обеда часть людей вернулась в Галерею 1812 года, а другую часть, и меня в том числе, погнали снимать картины в залах Голландии. Этим картинам повезло, они должны были уехать в тур по музеям, и временно являлись нашим обменным фондом. Конечно, голландки сразу рванули за нами. В Галерее они уже были, поэтому сосредоточили внимание на новой работе.

Так мы и шли – несколько «обозников» неторопливым шагом уставшего рабочего человека и девушки-голландки, периодически суетливо забегающие вперёд нас. Их камера, естественно, работала, а сюжет они, очевидно, назовут «Рабочие Эрмитажа, гордо и деловито спешащие исполнить свой долг». Ну, долг мы исполнить не очень торопились, но в конце концов добрались до места. Картины там висели на тросах, а не на верёвках, что облегчало процесс. К тому же они были небольшими.

Двое пошли за панелевозом, а остальные за двадцать минут сняли всю живопись. На их место были повешены картины из хранилища, называемого фондом «А». В этом высоком помещении на третьем этаже они скучали в деревянных гребёнках и дождались своего звёздного часа – повисеть какое-то время на радость публике, пока их собратья отдыхают в других городах или странах. На это ушёл час. Ведь тросы хоть и удобнее, но каждый раз раскручивать и закручивать прижимные гайки – дело долгое. А когда вешаешь «на глаз», то с первого раза уровень картин точно не подгадаешь. Потом ещё десять минут, и все картины погружены на панелевоз. Но уже в зале Рембрандта нас догнали опомнившиеся кинооператоры.

– Ребята, вы не могли бы ехать очень медленно, – попросили они через переводчика.

– Очень медленно не будем, но за ваши прелестные улыбки готовы ехать не так быстро, – улыбнулись мы девушкам. – Мы понимаем ваш творческий запал, но и вы поймите, нам ещё это спускать к упаковщикам в «Хепри», а рабочий день заканчивается, все хотят домой.

Процессия двинулась вперёд чуть помедленнее, мы ехали молча, а перед нами пятились, припав к окуляру камеры, голландки, точнее, одна везла другую. Так же был запечатлён и спуск к упаковщикам по Салтыковской лестнице всех картин, благо они были маленькие, лёгкие, и постоянное присутствие камеры раздражало не так сильно.

Голландцы пробыли ещё несколько недель, а через некоторое время после того как они уехали, в хозчасть прислали две кассеты. Одна для общего обозрения, она осела в кабинете начальства, а другая предназначалась лично Вадиму как одному из главных действующих лиц.

Халтура

Люди не сразу рождаются умными, интеллигентными и с прекрасным чувством юмора. То есть сначала они, конечно, все одинаковые – в детском саду, школе... ну, почти одинаковые. Потенциал виден с младенчества, но это несильно бросается в глаза, и всегда остаётся вариант, что ты неправ, и человек вырастет совсем другим.

И вот дети начинают расти во всех смыслах этого слова. Но одни растут до конца жизни, а другие, вначале идя с ними в ногу, вдруг останавливаются годах на шестнадцати-двадцати. Точнее, все части тела у них продолжают увеличиваться, но вот ум, интеллект и, соответственно, интересы и чувство юмора останавливаются на каком-то уровне. После этого у продолжающих интеллектуально расти пропадает интерес к своим бывшим друзьям-товарищам по школе или по двору, и, как правило, всё заканчивается сменой круга общения.

Так вот Сергей, не в обиду будет сказано, остановился годах так на восемнадцати, и неплохо себя чувствовал.

Во время обеда к Серёге подошёл Андреич и стал что-то по-мультишному загадочно шептать ему на ухо. Ромка сразу насторожился, у него нюх на такие разговоры. Да и, в общем-то, каждый наблюдательный человек мог сразу заметить нестандартность поведения Андреича и оживление меланхолического Серёги. Короче, и наблюдательные «обозники», жадно ловящие всё интересное, и, естественно, Ромка поняли: тут пахнет халтурой. Серёга во время разговора резко вскрикивал, так эмоционально уточняя детали предстоящей работы. На что Андреич каждый раз быстро, по-воровски, из-за плеча оглядывался на нас и сдавленным шёпотом затыкал несдержанного Серёгу. Это напоминало театральную игру, где мы были зрителями, а артисты играли для себя, и не понимали, что за их игрой с удовольствием наблюдают. Точнее, не понимал простоватый Серёга, в который раз говоря: «Да они ничего не понимают, сопляки». А вот хитрый Андреич по нашим ироничным смешкам и взглядам всё понимал.

Вводная к халтуре была закончена, бригадир, как в шпионских фильмах, ушёл первый, а за ним через полминуты ушёл и Серёга. Терпения, как у шпионов, у него не хватало, он считал, что этого времени вполне хватает для соблюдения конспирации, и был полностью уверен, что никто ничего не понял. Вслед за ними рванул и Ромка, а по «обозу» пошли смешки и чёрный юмор. Ромка догнал Серёгу в курилке.

– Серёга, у вас халтура намечается? Возьмите меня с собой.

– А откуда ты знаешь? – удивился Серёга. – Подслушал, что ли, как мы с Андреичем разговариваем?

– Да, услышал. – Объяснять, что было видно и так, Ромка не стал. – Ну так как?

– Ладно, я спрошу. Будь в «обозе», я, если что, за тобой приду.

Ромка вернулся.

– Ну что, взяли на халтуру? – хохотали «обозники», как будто присутствовали при разговоре.

Ромка молчал. Он напряжённо, как на иголках, сидел и ждал. Через пять минут вошёл Серёга. Опять выполнив нехитрый конспиративный ритуал, то есть секунд пять побродив по «обозу», он решил, что этого достаточно, и с выражением глянув на бледного от напряжения Ромку и махнув ему головой, вышел. У Ромки по лицу расплзлась улыбка удовлетворения, он вскочил со стула и побежал за Серёгой. Для ребят это был очередной повод поглумиться, хотя, конечно, никто не против, но требовала своеобразная «обозная» этика:

– Ольга Николаевна, а мы за Рому и Серёгу работать не будем, мы тоже на халтуру хотим. А когда они с халтуры придут, у нас ведь в час выставка, они успеют?

Конечно, это можно назвать и подставой, но то была добрая подстава, несерьёзная, не со зла, а просто чтобы подцепить, уколоть. Это было сказано с шутливым выражением, как и всё

говорившееся здесь. Возможно, если бы Ромка с самого начала не сидел, как затаившийся тигр перед прыжком, а сказал: «Мужики, я на халтуру хочу сходить, не говорите, пожалуйста», тогда всё бы перешло в серьёзную стадию, и никто бы ничего не сказал. Хотя и это сомнительно, ведь чистая серьёзность, без примесей шуток и глумления друг над другом, и «обоз» – вещи несовместимые. Ольга Николаевна, привыкшая к такому, отреагировала сразу:

– Какая ещё халтура? Я сейчас выясню.

Но мы знали, что бригадир всё равно уломяет начальницу на временное отсутствие некоторых рабочих, ведь так было всегда. Единственная вещь, вызывающая обиду, это отсутствие, как правило, одних и тех же людей. Но это только для некоторых являлось раздражителем, большинство относилось к этому свысока и с иронией, ища собственные способы заработать.

Так оно и случилось. Ольга Николаевна, поговорив по душам с Андреичем, вернулась.

– Так, мальчики, сейчас у вас тоже будет очень интересная халтура, – заявила она. – Кто-нибудь знает, как моют Атлантов? Сейчас вы это увидите собственными глазами и даже поучаствуете. Идите на Халтурина.

– Кто-то будет на халтуре, а мы на Халтурина, – мрачно пошутили из глубины «обоза».

Надо сказать, что начальница нас заинтриговала. Я был уверен, что сейчас мы будем собирать вышку высотой с Атлантов, а потом с неё стекломой будут этих здоровенных мужиков мыть. Но не тут-то было. Когда мы спустились по лестнице к Халтуринскому подъезду, там уже находились двое пожарных, которые сосредоточенно разматывали пожарный рукав.

– Ребята, помогите соединить рукава, нам никак, – попросил один из не совсем спортивных пожарных нас – сильных, закалённых в работе «обозников».

Соединить действительно оказалось тяжело. Когда всё было готово, рукав вынесли на улицу и, направив на первого Атланта, включили воду. Но не всё оказалось так просто, как хотелось бы. Вода хлынула не только оттуда, откуда надо, но и по всей длине шланга. Оказалось, что шланг дали старый и дыр в нём, что в сите. Воды натекло целое озеро. Тут же по команде мобилизовали уборщиц, которые отважно, с тряпками и швабрами наперевес, бросились своими телами на эту амбразуру. Стихия быстро была побеждена, вода убрана. Вскоре принесли и новые, проверенные шланги. Был выбран поливальщик, и работа закипела, точнее заструилась из шланга. Под напором воды и от лучей солнца Атланты заблестели ещё больше, даже появилась радуга. Правда, конца этой картины я уже не видел, меня и ещё пару человек перебросили на другое место работы.

Ночные смены

Как и на каждом предприятии, у нас бывали работы ночью, не часто, но бывали. Точнее, официально их не было, но для «тушения» «горящей» выставки все способы хороши.

Приезжали как-то к нам бельгийцы с выставкой старинных книг. Бельгийцы – народ неторопливый, соответственно, со сроками открытия выставки мы опаздывали. А тут ещё и сами книги требовали необычного хранения. Витрины были спроектированы массивные, с толстым стеклом, возможно, бронированным. И конечно, для таких нежных экспонатов в витрине должен постоянно поддерживаться микроклимат. Выставка была небольшая по объёму и проектировалась для такого же небольшого Двенадцатиколонного зала.

Днём работали не спеша, бельгийцы, в отличие от наших, всё перепроверяли по десять раз. Как-то у них возникла проблема: не закрывался замок на витрине. Замочек, надо сказать, маленький и простенький, без секретов, как и ключ. Да и не поломка вовсе была, просто язычок замка цеплялся при выходе. Всего-то и надо сделать, что поддеть его, помочь выйти. Но бельгийцы к такому не приучены, они и вникать в проблему не стали – привыкли к разделению труда, а они только сборщики. Раз не выходит, значит, надо заменить всю крышку витрины. Для этого они созвонились с заводом-изготовителем, созвонились с авиакомпанией, узнали, что новая крышка будет доставлена самолётом не раньше чем через четыре дня. А сроки-то поджимают, и так все допоздна работают, а тут такой простой. Вот и сидели они печальные, горевали. Подошёл наш бригадир, так просто мимо проходил, зашёл проверить, как мы работаем. Обрисовали ему ситуацию.

– Поднимите-ка мне крышку, – попросил он, подойдя к витрине.

Двадцать секунд – и замок работает, бригадир просто перочинным ножичком чуть отогнул язычок, и он стал ходить нормально.

– Ах, какой мастер! – восхищённо по-своему лопотали бельгийцы.

А нам смешно, ведь это любой мог сделать, наш, конечно. Вот тебе и просвещённая Европа с передовыми технологиями. Но из-за таких, мягко сказать, негибких работников мы и не вписывались в стандартный рабочий день. Наши оформители работали в поте лица, в чём-то помогая, в чём-то делая работу за них. Хорошо ещё, что среди наших художников-оформителей был Андрей, владеющий в совершенстве французским, на котором гости и говорили. Андрей его изучал для собственных целей, он, как и многие, кроме основной работы в Эрмитаже ещё являлся военным реконструктором, причём реконструировал наполеонику. И как человек интеллигентный, посчитал своим долгом владеть с той войны не только мундиром и оружием, но и языком. Приятно было видеть, как Андрей подолгу о чём-то беседовал с бельгийцами, и им интересно, и мы через Андрея лучше понимаем рабочий процесс.

Но вот до открытия осталось несколько дней, и хоть витрины уже собраны и щиты с повешенной на них графикой тоже стояли, но экспонаты-то до сих пор находились в ящиках. Исходя из этого, в конце рабочего дня Ольга Николаевна попросила всех задержаться.

– Мальчики, нужно четыре человека для работы допоздна, возможно, до ночи, – бросила она клич.

– А как мы доберёмся домой, Ольга Николаевна? – удивлялись необычному предложению «обозники».

– Домой пойдёте утром, а переночуете в хозчасти, вы ребята молодые, выдержите. Работать нужно сегодня и завтра. Сегодня ночевать не надо, работа будет часов до одиннадцати, а вот завтра, возможно, и ночью. Вас будут кормить бесплатно ужином, дирекция распорядилась, ну и, конечно, отгулы, а может, и премия будет, – обрадовала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.